

Государственная фискальная служба Украины. 2018. URL: <http://kyiv.sfs.gov.ua/media-ark/news-ark/354098.html> (дата обращения: 18.08.2019).

12. Петренко В.С. Электронные доказательства как элемент информационных технологий в гражданском судопроизводстве. *Молодой ученый*. 2018. № 1. С. 111–115.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гусев Алексей Юрьевич – аспирант кафедры правосудия Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gusev Aleksey Yuryevich – Postgraduate Student at the Department of Justice of Taras Shevchenko National University of Kyiv

O.Husiev@ukr.net

УДК 347.5

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОНИМАНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ИЗ НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ НА УКРАИНСКИХ ЗЕМЛЯХ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Сабина ДЕМЕНКО,

аспирант

Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются истоки нормативного регулирования и научного понимания обязательств из приобретения, сбережения имущества без достаточного правового основания на украинских землях. Рассматриваются соответствующие положения принятых кодификаций гражданского права дореволюционного периода и подготовленные проекты, сыгравшие важную роль в дальнейшем нормотворчестве уже в советскую эпоху. Автор приходит к выводам, что обязательства из неосновательного обогащения в дореволюционный период находились на этапе своего становления, а в связи с отсутствием законодательного закрепления ключевое место занимали фрагментарные и непоследовательные позиции Сената Российской империи, в то время как сам институт обязательств по приобретению, сохранению имущества без достаточного правового основания не характеризовался наличием самостоятельных механизмов его правового регулирования.

Ключевые слова: обязательства из неосновательного обогащения, кондикционные обязательства, деликтные обязательства, добросовестное владение, дореволюционное право.

EVOLUTION OF THE REGULATION OF UNJUST ENRICHMENT OBLIGATIONS ON UKRAINIAN LANDS

Sabina DEMENKO,

Postgraduate Student of Taras Shevchenko National University of Kyiv

SUMMARY

The article explores the origins of regulation and the scientific understanding of obligations from acquiring, saving property without a sufficient legal basis on Ukrainian lands. The relevant provisions of the adopted codifications of civil law of the pre-revolutionary period and prepared projects that played an important role in further rule-making in the Soviet era are considered. The author comes to the conclusion that obligations from unjust enrichment in the pre-revolutionary period were at the stage of their formation, and due to the lack of legislative consolidation, the key place was occupied by fragmentary and inconsistent positions of the Senate of the Russian Empire, while the institution of obligations to acquire and preserve property without a sufficient legal basis, was not characterized by the existence of independent mechanisms for its legal regulation.

Key words: obligations from unjust enrichment, conditional obligations, tort obligations, bona fide possession, pre-revolutionary law.

Постановка проблемы. Истоки института обязательств в связи с приобретением, хранением имущества без достаточного правового основания берут начало в традиции римского права. Несмотря на это, на украинских землях о формировании правового регулирования указанных обязательств можно говорить лишь в контексте эволюции законодательной регламентации гражданско-правовых отношений в XIX–XX веках, когда, как

справедливо резюмирует Г.В. Пучкова, уже состоялось становление современных европейских систем гражданского права, которые связывают с подготовкой кодификаций гражданского законодательства во Франции, Германии, Швейцарии и других странах с аналогичными правовыми системами [1, с. 114–115]. При этом в дореволюционный период данные обязательства все же были известны юридической общественности, востребованы

обществом, о чем свидетельствует практика Сената, сопровождаемая научными дискуссиями видных цивилистов того времени.

Актуальность статьи обусловлена тем, что особенности нормативного регулирования, судебной практики и доктринального осмысления института обязательств из неосновательного приобретения, сохранения имущества на дореволюционном этапе до сих пор требуют внимания исследователей с целью дальнейшего как теоретического, так и практического применения полученных научных выводов.

Целью и задачей статьи является рассмотрение положений Свода законов гражданских и проекта Гражданского уложения в свете существующих судебных толкований Сената и достижений научной мысли того времени.

Изложение основного материала.

Анализируя характерные черты и специфику правового понимания и законодательного регулирования обязательств из неосновательного обогащения в дореволюционные времена и до принятия Гражданского кодекса УССР 1922 года, в первую очередь следует обратиться к Своду законов Российской империи 1832 года (нами рассматривается издание 1914 года), а именно к Тому X, части I Свода законов гражданских [2]. Не получив отдельного закрепления на уровне нормативных положений последнего, правовое содержание обязательств из неосновательного обогащения было сформировано на основе толкований в форме своеобразного «учения» Сенатом Российской империи, что позволяет ученым говорить только о «частичной известности» обязательств из неосновательного обогащения для судебной практики и правовой теории того времени [3, с. 15].

Позиции Правительствующего Сената основывались на расширении нормативного содержания ст. 574 Свода законов, согласно которой: «Как по общему закону никто не может быть без суда лишен прав, ему принадлежащих, то всякий ущерб в имуществе и причиненные кому-либо вред или убытки, с одной стороны, налагают обязанность доставлять, а с другой – производят право требовать вознаграждения». Именно эта норма легла в основу су-

дебной практики Сената по делам по обязательствам из неосновательного обогащения. С другой стороны, интересна позиция А.В. Слесарева, который взаимен указывает на ключевую роль именно решений Сената в регулировании соответствующих общественных отношений, а не положений ст. 574 Свода законов, что позволяет говорить о действии в этой сфере прецедентного права [4, с. 63].

Высказывались и мнения о возможности применения к рассматриваемым обязательствам других норм Свода законов, в то время как позиции, которые содержались в решениях Сената, и вообще правовая природа кондикционных обязательств стали предметом для активных научных дискуссий среди цивилистов того времени.

Так, сравнивая позиции последних, А.В. Климович указывает на отсутствие единого мнения о том, какой нормой Свода законов должен быть обоснован основанный на этом обязательстве кондикционный иск. Среди высказываемых мнений было обращение к ст. 684 (всякий обязан вознаградить за вред и убытки, причиненные им другому его деяниями или упущениями), ст. 691 (каждый имеет право отыскивать своё имущество из чужого неправомерного владения), ст. 693 (относительно защиты обязательственных прав, вытекающих из договоров и правонарушений), ст. 699 (способ приобретения должен быть законным). При этом ученый добавляет, что нередко Сенат, рядом с цитируемой ст. 574 Свода законов, обращался и к приведенным нормам, в частности к положениям ст. 691, ст. 693 и ст. 609, согласно которым всякий, кто владеет чужим имуществом, хотя бы и добросовестно, должен возвращать его собственнику [5, с. 47].

Исследовав выводы Сената в соответствующих гражданских делах, И.Э. Берестова утверждает, что обязательства по приобретению, сохранению имущества без достаточного правового основания рассматривались им как последствия, вытекающие из действий, построенных по системе генерального деликта. Сенатом было четко установлено, что бесплатный переход ценностей из рук в руки не предусматривался, и никто не имел права обогащаться за чужой счет без законного на то основания [6, с. 30]. К такому же

выводу приходил и Г.Ф. Шершеневич, утверждая, что обогащение одного лица в ущерб другому без достаточного юридического основания создает обязательство вернуть присоединенную ценность – никто не должен обогащаться в ущерб другому [7, с. 403].

Вообще, достижением тогдашней цивилистической мысли следует считать формирование базовых условий возникновения обязательств по приобретению, сохранению имущества без достаточного правового основания, к которым были отнесены: 1) сам факт обогащения как увеличения стоимости имущества путем присоединения к ней новой ценности или путем сохранения той ценности, которая должна была выйти из состава имущества; 2) обогащение должно быть в ущерб потерпевшему или за его счет, то есть обогащению получателя должно отвечать (хотя и не обязательно пропорциональное) уменьшение имущества потерпевшего в результате выбытия из его состава определенной ценности или непоступления той, которая должна была войти в его состав; 3) отсутствие юридического основания для обогащения одного лица за счет другого, то есть такое обогащение не основано на соглашении, законе или любой другой правовой основе [5, с. 49].

В отдельных случаях, в частности на практике, к таким условиям относились также отсутствие умысла со стороны приобретателя, направленного на получение или сохранение имущества, что связывалось с применением иска о нанесении ущерба, если в действиях приобретателя была вина [8, с. 55–56]. К вопросу важности вины как условия возникновения долга возврата безосновательно приобретенного, сохраненного имущества в рамках кондикционных обязательств вернемся дальше.

Таким образом, Правительствующий Сенат был вынужден преодолевать пробелы в тогдашнем гражданском законодательстве Российской империи путем применения аналогии закона при регулировании обязательств из неосновательного обогащения, обращаясь к ближайшим к ним деликтным обязательствам. Это свидетельствовало о развитии имущественных отношений в обществе, формировании реальной потребности в нормативном

закреплении и социальном утверждении института обязательств по приобретению, сохранению имущества без достаточного правового основания. В пользу этой позиции говорят следующие попытки кодификации гражданского законодательства на территории Российской империи.

Так, не принятый проект Гражданского уложения 1905 года [9], что до сих пор высоко оценивается как результат цивилистической мысли и достижение в истории кодификации частного права, в том числе и на украинских землях [10, с. 230], уже содержал развернутые положения относительно обязательств из неосновательного обогащения («возвращение недолжно полученного»). Этому институту было посвящено 5 статей (ст. ст. 2596–2600) в рамках отдельной главы III раздела III Книги пятой Гражданского уложения.

К ключевым позициям Главы III принадлежали закрепления общего долга лица, получившего что-нибудь в качестве исполнения существующего или недействительного обязательства вернуть полученное или его стоимость, что устанавливается также на уровне ч. 2 ст. 1213 действующего Гражданского кодекса Украины (далее – ГК Украины) [11], когда в случае невозможности вернуть в натуре потерпевшему неосновательно приобретенное имущество возмещается его стоимость, которая определяется на момент рассмотрения судом дела о возвращении имущества.

Но, в отличие от норм ГК Украины, ст. 2596 проекта Гражданского уложения предусматривала возможность невозврата неосновательно приобретенного, при условии, если лицо докажет: 1) что требующий возвращения знал во время исполнения о несуществовании или недействительности обязательства или должен был произвести удовлетворение по нравственной обязанности или по требованиям приличия, или 2) что обязательство после исполнения сделалось действительным. Проблематика, описанная в первой части первого из оснований (по понятным причинам, опустим здесь анализ категорий нравственной обязанности и требований приличия), получает правовое регулирование в плоскости общих правил недействительности сделки, закрепленных в § 2 главы 16 ГК

Украины, в частности в ст. 230, которой регламентируются правовые последствия совершения сделки под влиянием обмана, и ст. 216, устанавливающей правовые последствия недействительности сделки – каждая из сторон обязана возвратить другой стороне в натуре все, что она получила во исполнение этой сделки, а в случае невозможности такого возврата, в частности тогда, когда полученное заключается в пользовании имуществом, выполненной работе, предоставленной услуге, – возместить стоимость полученного по ценам, существующим на момент возмещения.

Что касается непосредственно использованной в проекте Гражданского уложения формулировки «(не) действительности обязательства» согласны с позицией, согласно которой подчеркивается недопустимость такой конструкции, как недействительность обязательства, что по своей сути является эклектичной и алогичной, поскольку, обращаясь к аргументации В.И. Крата, обязательство представляет собой правоотношение, состоящее из права кредитора и обязанности должника, в то время как в цивилистической доктрине традиционно недействительность связывается с юридическим фактом (сделкой, договором и др., что является одними из оснований возникновения обязательства), что обуславливает наступление определенных правовых последствий (возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей). Экстраполяция содержания обязательства сквозь призму недействительности приведет к наличию недействительности всего или части права кредитора и обязанности должника, что недопустимо [12, с. 412–413].

Предписания следующей ст. 2597 проекта Гражданского уложения свидетельствуют о том, что институт обязательств из неосновательного обогащения даже в рамках достижений этого прогрессивного и комплексного документа еще полностью не «освободился» от применения к его регламентации механизмов, присущих другим гражданско-правовым отношениям. Указанная норма закрепляла, что получивший имущество в собственность по несуществующему или недействительному обязательству должен возвратить имущество тому, от кого оно получено, по

правилам о незаконном, добросовестном или недобросовестном, владении.

Основываясь на этом, ст. 2598 устанавливала два случая, в зависимости от добросовестности приобретателя: 1) тот, кто добросовестно принял чужие услуги или пользовался чужим имуществом по несуществующему или недействительному обязательству, должен вознаградить другую сторону за ее услуги или за пользование ее имуществом в размере полученной имущественной пользы или сделанного сбережения; 2) Если принявший чужие услуги или пользовавшийся чужим имуществом знал, что он не имел на это права, то он обязан вознаградить другую сторону за ее услуги или за пользование ее имуществом по цене, существовавшей в месте и во время оказания услуг или пользования имуществом, и возместить понесенные сверх того убытки по общим правилам о вознаграждении за вред, причиненный недозволенными деяниями (ст. 2598).

Подобная дифференциация обязанностей лица, которое безосновательно приобрело или сохранило имущество без достаточного правового основания, в зависимости от правомерности или неправомерности (добросовестности или недобросовестности) его поведения является устаревшей и сегодня не соответствует универсальной правовой природе исследуемого института обязательств из неосновательного обогащения. В литературе по этому поводу отмечается, что для возникновения обязательства, предусмотренного ст. 1212 ГК Украины, важен сам факт неосновательного получения или сохранения, а не конкретное основание, по которому это произошло, которыми могут выступать любые юридические факты, как предусмотренные, так и не предусмотренные законом (правомерные и неправомерные действия как самого неосновательно обогатившегося лица, так и потерпевшего или третьих лиц, судебное решение). Отмечается, что для определения обязательства таким, что возникло в результате приобретения, сохранения имущества без достаточного основания, решающее значение имеет не характер поведения приобретателя (правомерное или неправомерное) и не юридические факты, на основании которых возникает это обязательство (сделки, события или

поступки), а отсутствие предусмотренных законом или сделкой оснований для приобретения или сбережения имущества [13, с. 545].

Этот принцип нашел отражение, в частности, в ч. 2 ст. 1212 ГК Украины, согласно которой положения главы (посвященной обязательствам из приобретения, сохранения имущества без достаточного правового основания) применяются независимо от того, стало ли неосновательное приобретение или сохранение имущества результатом поведения приобретателя имущества, потерпевшего, других лиц или следствием события. Интересно, что частично эта же логика отражалась в ст. 2600 проекта Гражданского уложения, что распространяла рассматриваемые выше правила и на те случаи, когда лицо без законного основания получило имущество или имущественную выгоду не вследствие ошибки самого потерпевшего, а в связи с действиями постороннего лица или сил природы.

Дополнительно ст. 2599 проекта Гражданского уложения регулировала и последствия действий, что основывались на несуществующем или недействительном обязательстве: принявший на себя обязательство, установивший вотчинное право в своем имении или отказавшийся от права в пользу другого лица на основании несуществующего или недействительного обязательства вправе требовать освобождения от принятого обязательства, возвращения переданных документов и, вообще, восстановления прежнего положения.

В.В. Былков среди особенностей дореволюционного правового регулирования обязательств вследствие неосновательного обогащения отмечал: 1) отсутствие в писаном праве соответствующих нормативных положений; 2) противоречивость кассационной практики Правительствующего Сената; 3) неоднозначное отношение к неосновательному обогащению цивилистов. При этом ученый подчеркивает, что дореволюционная практика признавала право потерпевшего на возмещение в результате такого обогащения, применяя по аналогии нормы законодательства о деликтных обязательствах и, в большей степени, положения доктрины римского права [14, с. 80]. Наряду с этим высказывались предположения,

что обязательства из неосновательного обогащения рассматривались Сенатом как вытекающие из действий, построенных по системе генерального деликта, а правило ст. 574 не является исчерпывающим по своему характеру [4, с. 64].

На отсутствие в решениях Сената полной картины правового понимания содержания и места обязательств по приобретению, сохранению имущества без достаточного правового основания в правовой системе гражданского законодательства дореволюционной России указывает и И.Э. Берестова [6, с. 33].

Выводы. Подытоживая вышеизложенное, можно резюмировать, что обязательства из неосновательного обогащения в дореволюционный период еще находились на этапе своего становления. В связи с отсутствием законодательного закрепления ключевое место занимали фрагментарные и непоследовательные позиции Сената Российской империи, а сам институт обязательств по приобретению, сохранению имущества без достаточного правового основания не характеризовался наличием самостоятельных механизмов его правового регулирования, как в случае со Сводом законов гражданских, когда Сенатом применялась аналогия закона для распространения на обязательства из неосновательного обогащения положений деликтного права, так и по поводу проекта Гражданского уложения, которым хоть и планировалась достаточно детальная регламентация этого института, но с заимствованием подходов, присущих урегулированию добросовестного и недобросовестного владения.

Однако достижения дореволюционной правовой доктрины и положения, заложенные в рамках проекта Гражданского уложения, нашли развитие уже в советском гражданском законодательстве, которое станет предметом наших дальнейших научных исследований.

Список использованной литературы:

1. Пучкова Г.В. Зобов'язання, що виникають внаслідок безпідставного набуття або збереження майна за римським приватним правом, та їх рецепція у цивільному законодавстві

України : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Одеса, 2007. 198 с.

2. Звід законів цивільних Російської імперії, 1832 року (видання 1914 року). *Кодифікація цивільного законодавства на українських землях*. Київ : Правова єдність, 2009. Т. 2 / уклад. : Ю.В. Білоусов та ін. ; за ред. Р.О. Стефанчука та М. О. Стефанчука. С. 9–238.

3. Гранат М.А. Неосновательное обогащение в гражданском праве России : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Казань, 2005. 219 с.

4. Слесарев А.В. Обязательства вследствие неосновательного обогащения : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Москва, 2002. 202 с.

5. Климович А.В. Кондикционные обязательства в гражданском праве : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Владивосток, 2002. 246 с.

6. Берестова І.Е. Зобов'язання з набуття, збереження майна без достатньої правової підстави : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Харків, 2004. 202 с.

7. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). Москва : Спарк, 1995. 556 с.

8. Спирина Т.В. Обязательства из неосновательного обогащения : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Самара, 2006. 224 с.

9. Цивільне уложення. Проект 1905 року. *Кодифікація цивільного законодавства на українських землях*. Київ : Правова єдність, 2009. Т. 2 / уклад. : Ю. В. Білоусов, І. Р. Калаур, С. Д. Гринько та ін. ; за ред. Р. О. Стефанчука та М. О. Стефанчука. С. 453–678.

10. Спасибо-Фатеева І. Фундаментальне дослідження історії кодифікації цивільного законодавства. *Право України*. 2009. № 11. С. 229–232.

11. Цивільний кодекс України від 16 січня 2003 року № 435-IV. *Відомості Верховної Ради України*. 2003. № 40. Ст. 356.

12. Крат В.І. Недійсність зобов'язання. *Правова доктрина – основа формування правової системи держави* : матеріали Міжнар. наук.-практ. конф., присвяч. 20-річчю НАПрН України та обговоренню п'ятитом. моногр. «Правова доктрина України», Харків, 20–21 листопада 2013 р. Харків, 2013. С. 411–413.

13. Цивільне право України : підручник : у 2 т. / Борисова В.І.

(кер. авт. кол.) та ін. ; за заг. ред. В.І. Борисової, І.В. Спасибо-Фатєєвої, В.Л. Яроцького. Київ : Юрінком Інтер, 2004. Т. 2. 552 с.

14. Былков В.В. Проблемы правоотношений, возникающих вследствие неосновательного обогащения : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Краснодар, 2004. 211 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Деменко Сабина Александровна – аспирант Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Demenko Sabina Aleksandrovna – Postgraduate Student of Taras Shevchenko National University of Kyiv

masinovskayas@gmail.com

УДК 342.92

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪЕКТОВ ПУБЛИЧНОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

Мария ДЕМИДОВА,

судья

Хозяйственного суда Черниговской области

АННОТАЦИЯ

В статье раскрывается сущность правового статуса субъектов публичного администрирования, которая характеризуется его отличием от таких понятий, как «правовое положение», «правосубъектность», «правовой модус» и «компетенция». В работе характеризуются основные признаки правового статуса субъектов публичного администрирования, ведущим из которых определяется публичность как ведущий принцип и как характеристика деятельности субъектов публичного администрирования.

Ключевые слова: субъект публичного администрирования, статус, правовой статус, правовое положение, компетенция, правосубъектность, правовой модус.

THE CONCEPT AND ESSENCE OF THE LEGAL STATUS OF PUBLIC ADMINISTRATION SUBJECTS

Mariya DEMIDOVA,

Judge of the Economic Court of Chernihiv region

SUMMARY

The article reveals the essence of the legal status of the subjects of public administration, which is characterized by its difference from such concepts as “legal status”, “legal personality”, “legal modus” and “competence”. The paper describes the main features of the legal status of public administration entities, leading to which publicity is defined as a guiding principle and as a characteristic of the activity of public administration entities.

Key words: subject of public administration, status, legal status, legal status, competence, legal personality, legal modus.

Постановка проблемы. Публичное администрирование является для Украины достаточно новым направлением развития отношений между государством и гражданским обществом. Попытки обосновать особенности этого явления только обретают на данный момент свою «научную осознанность» и в связи с этим не всегда носят системный характер. Наличие в системе публичного администрирования важных составляющих дает толчок для их изучения, который, к сожалению, носит разобщенный характер. Также наблюдается уход авторами в отдельные отраслевые сферы предоставления публичных услуг, что не дает возможности создать единую, целостную картину понимания составляющих механизма публичного администрирования. В первую очередь это касается субъектов публичного администрирования и их правового статуса.

Актуальность темы исследования. Учитывая также то, что содержание понятия «правовой статус» до сих пор является спорным как в теории права, так и, соответственно, в отраслевых науках, избранная для осмысления тема является достаточно актуальной.

Целью данного исследования является рассмотрение понятия и признаков правового статуса субъектов публичного администрирования. В связи с этим к **задачам исследования** стоит отнести определение понятия «правовой статус субъекта публичного администрирования», определение его признаков и его связь со схожими понятиями, такими как «правосубъектность», «правовое положение», «компетентность» и «правовой модус».

Состояние исследования. На сегодняшний день понятие и сущность правового статуса субъектов публичных отношений изучаются многими